

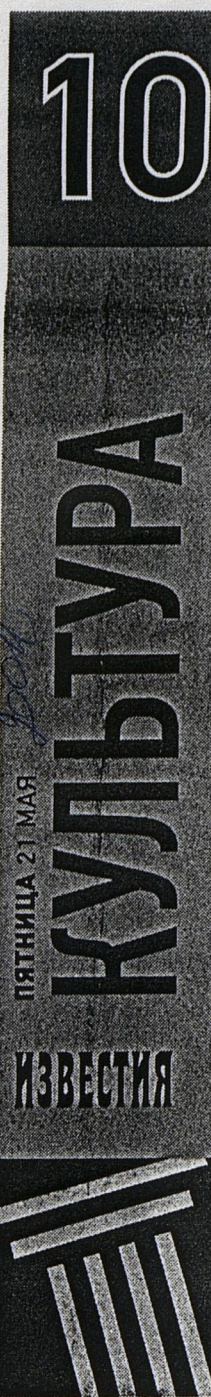
Сегодня на Каннском кинофестивале премьера документального фильма Георгия Параджанова «Я умер в детстве», который режиссер посвятил своему дяде Сергею Параджанову. Этот год объявлен ЮНЕСКО Годом Параджанова в связи с его 80-летием. С ГЕОРГИЕМ ПАРАДЖАНОВЫМ беседовал ГАГИК КАРАПЕТЯН.

Из письма Сергея Параджанова: «Гарик, дорогой, недавно приезжали Виктор и Амиран (соответственно Джорбенадзе и Думбадзе — друзья Мастера. — «Известия»). К сожалению, не дали свидания... В знак протеста объявил голодовку. Но она длилась всего 18 часов. Все идет на стройки народного хозяйства, а я сижу... Старею, слабею и нервы... Хочу кушать и спать. Это первые признаки глубокой старости. Но пока жив... Сейчас самое главное — твоя поездка в Москву и учеба. Как-то я восстал против твоего деду и бабушки и уехал в Москву. Тогда было другое время — после войны. Я — хорошенький курдзявский мальчик — приехал в Москву, пел, танцевал, воровал, плакал и торговал. И меня приняли... Я считаю, что тебе надо ехать не в Москву, а в Ереван. По следующим причинам — ты племянник Параджанова... В Ереване тебе, может, помогут мои друзья, и ты поступишь на режиссерский факультет. В Москве паломничество киношников, и ты можешь не пройти, так как у них блат и бездарность... Осталось не так много дней — 540. Может, успею к твоим экзаменам. Постарайся не сидеть в салоне тети Розы, а ходить по музеям».

Георгий Параджанов: Я родился в том же доме, где появились на свет Сергей, моя мама (Анна Параджанова, по мужу — Хачатурова. — «Известия»). Меня воспитывала бабушка, которая родила и вырастила дядю. Я впитывал в себя то, что происходило вокруг, — судьбы людей, запахи земли и кавказских ветров. Сергей не разделял людей на высших и низших. Он страшно злился, если кто-то из знакомых подчеркивал свою избранность. Однажды в дом пришел оборванный мальчик-курд, украл у кого-то серебряный крест и притащил продавать дяде. А у нас гостил Тарковский. Сергей усадил мальчишку рядом. Андрей отворачивался, делал презрительную мину. Дядя вдруг побагровел: «Не нравятся? Вставайте и уходите, я вас не держу...» Знаете, что он советовал Тарковскому? «Тебе нужно посидеть в тюрьме. Хотя бы год. Чтобы многое понять по-настоящему». А ка-

Проба к фильму «Цвет граната». С. Чиаурели, С. Параджанов и мальчик, сыгравший Сейт-Нову в детстве

ГЕОРГИЙ ПАРАДЖАНОВ, режиссер:

НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ, ЧТОБЫ СЕРГЕЙ ПЕРЕКРЕСТИЛСЯ. ОН БЕЗУМНО ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ

кой подарок мне достался из тбилисской тюрьмы? Дядя рассказывал: «Я все думал, что тебе привезти. И решил — спичечную коробку, полную вшей. Чтобы знал, что это такое. Посидишь там хотя бы час, все поймешь».

Из новелл Георгия Параджанова. Пригласив в гости, Лилия Юрьевна Брик предложила мне: «Пойдемте на кухню». На подоконнике росли фиалки. «Я их специально выращиваю... Когда посылаю письма Сергею Иосифовичу, на каждом, в угалке, когда фиалка падает, прикрепляю цветок... Но Вася (Василий Абгарович Катанян — последний муж Л. Брик. — «Известия») меня так ревнует к фиалкам, что открывает зимой форточку — чтобы они простудились и умерли!»

Я уехал в Тбилиси. Потом вернулся дядя из лагерей. Лилия Юрьевна ждала, что он придет к ней. А Сергей боялся, оттягивал встречу. И решил послать в Москву меня. Я прилетел с огромным пакетом кавказской зелени, в коробке — дагестанские серги: «Вот, дядя прислал...» Она напряженно спрашивает: «А где письма?!» Я растерялся: «Какое письмо?» — «От Сергея?!» — и я говорю шепотом: «А письма нет...» У Брик случилась трагедия.

— Те, кто слышал новеллы Параджанова из первых уст, до сих пор не забыли свое потрясение. Можешь вспомнить неизвестные публике?

Из новелл Сергея Параджанова. Как Сергея хотели убить. Это было. Будучи дворником, он поливал шлангом выжженную солнцем землю, а зону, кроме забора, опутали оголенными проводами, через которые пропускали ток высокого напряжения. На вышке стоял охранник (их называют «попками»), плевавший на Сергея семечками. Дядя их подметал. Сверху приказали: «Там еще полей!» И показали — ближе к проводам. Тогда один из эзков подбежал, толкнув Сергея головой в живот. «За что?» — «Я тебя спас. Они хотели образовать смертельную дугу для тебя».

КАК Я ПОСАДИЛ ДЯДЮ

Из письма Сергея Параджанова. «Пиши подробнее. Каждое письмо, которое я получаю, это кислородная подушка для меня. Береги жизнь, родителей и честь. Не делай глупостей. Все наказуемо...»

— С чего началось тбилисское «дело» Параджанова?

— В январе 82-го умер мой папа. Сережа привез его из Москвы в цинковом гробу, сделал красивые похороны. Он загризировал папу: «Мой зять похож на Фердинанда!» Все ужаснулись: у отца появились длиннющие усы, румяные щеки, в руках лежал гранат и горела свеча. Мама одела балахон (его шили для Сергея), под голову и на нее подложили черные подушки, перекинув все это черной вуалью.

Спустя два дня пришел кто-то из МВД. И попросил меня отъехать на полчаса: мол, нужно показать вещицу, чтобы я ее оценил. Сергей возмутился: «Почему он? Что он понимает?» Но незнакомец настоял. Когда мы спустились по лестнице, Сергей крикнул: «Только правду говори! Правду, правду и правду!» В МВД меня уже ждал пропуск. Следователь Саша Дзамашвили, блондин в очках, сообщил: они проверили сочинения на вступительных экзаменах. А я писал про Павку Корчагина (или «Мать»): у меня нашли 63 ошибки — «четверка» оказалась чересчур завышенной отметкой. Беседа длилась с утра и до шести вечера. Затем меня оставили одного часа на два. Дзамашвили якобы пошел в педагогический институт (или университет), где вновь проверили мою работу. Вернувшись, Дзамашвили начал так: «Мы все

знаем. За поступление в институт ваш дядя передал кольцо с бриллиантом педагогу и своему приятелю Юрию Зарецкому». Безусловно, я испугался — в 20 лет впервые в милиции. «Кольцо дарил?» — «Да. Но за меня или нет, не знаю. Давайте встретимся с Параджановым». Мы вернулись домой, но Сергей там не оказалось. Взяв с меня честное слово, сказали на прощание: «Разговор должен остаться в тайне. Мы увидимся с Сергеем и обо всем поговорим». Я не рассказал дяде, зачем вызывали в МВД. Ограничился фразой: «Тебя хотят видеть».

На следующий день он встретился с Дзамашвили. Сергей на суде сообщил: до ареста они просили 10 000 рублей, чтобы замять «дело». Дядя ответил: «У меня нет таких денег». И предложил только 500 рублей. Дзамашвили просил принести названную сумму. До того милиционер жаловался Сергею, что у него большие дети, неприятности с женой... Дядя положил в конверт 500 рублей и рождественскую открытку, чуть не ставшую основанием обвинения в порнографии. Мол, Параджанов хотел совратить детей следователя... Уходя, Сергей показал мне конверт: «Еще неизвестно, сколько таких понадобится, чтобы закрыть «дело». Встреча была назначена у «Сухого моста». Пересев в машину

ли, сколько человек пришли на поминки отца... Сергей называл свою комнату «Пещера Али Бабы». Они простукали все стенки. Единственное, что оставалось как память об Украине: полочка с амурчиками. Туда Сергей, защищаясь от моли, насыпал нафталин. Им протер глаза один из следователей: показалось, золотая пыль, потом три дня на работу не выходил — слезы текли не переставая.

— Как долго дядя находился за решеткой до суда?

— Девять месяцев. Столько продолжалось следствие. Сергей оказался еще «спекулянтом»: купил вазу за 4000 рублей, но продавец просил 2000. На что дядя заметил: «Я не могу дать столько, потому что ее цена — 4000». И он действительно столько заплатил, но вскоре продал за 5500. Потом ему «шили» дело за растление малолетних, якобы там замешан 14-летний мальчик (наверняка, перечитывали киевское «дело»). Меня спрашивали: не видел ли я парнишку? Но в доме никогда не появлялись подростки.

— В конце концов, Параджанову «пришили» тюремную переписку?

— Там сидела «подсадная утка». Тот договорился с Сергеем: мол, есть канал передачи, и Сергей застрочил письма... Когда я уезжал с тбилисским ТЮЗом на гастроли в Киев, дядя попросил меня: там, у одной женщины, осталась картина голландского художника. У нее, жены знаменитого кардиолога Терно, Сергей купил картину, но не смог рассчитаться. Поэтому писал из тюрьмы: «Передай ей, что меня беспокоит долг. Если бы не он, я бы вскрыл вены в подвалах МВД».

(До сих пор не знаю, Эдуард Шеварднадзе тогда первый секретарь ЦК компартии Грузии. — «Известия») по своей инициативе или

по указанию Москвы освободил дядю. В суд за полчаса до начала первого заседания пришел следователь Сергея и сказал дяде: «Все будет сделано как надо — есть приказ об освобождении. Только не устраивай спектакль». Тем не менее все увидели Театр Параджанова. Суд, напомним, начался в Доме искусств и в День советского кино.

— Ты ежедневно приходил на заседания? — Да, я ведь считался свидетелем, причем главным. Но в последние три дня я отсутствовал: уехал в Киев на гастроли с труппой ТЮЗа. Что еще запомнил? (Задумывается.) Как Сергей плакал. Ведь он — человек очень эмоциональный. В первый день прокурор спросил: «У вас есть адвокат?» Сергей растерялся: «Нет. Давайте начнем без него. Буду сам себя защищать». Я расплакался и вышел из зала. И у Сергея потекли слезы.

— Он сломался на суде?

— В январе 78-го, когда дядя вернулся из лагерей, я увидел его в кирзовых сапогах, черном бушлате и робе, уже без нашивки. Лысый, без бороды, но с усами. Зигзаг получил заметный. Первыми у нас дома его встретили Софико Чиаурели, Георгий Шенгелая, Манана — жена Тамаза Мелиава, покойного кинорежиссера, мои родители. После украинской отсидки, откуда Сергей при-

труп отравляет СССР. Иногда Сергей держался на суде хорошо, временами нес чушь, срывался... Прокурор и судья, свидетели в зале понимали: перед ними не бандит, «урка», а большая личность, хотя и с тремя судимостями.

Из новелл Сергея Параджанова. Вор в законе Зура Картвелишвили, наш сосед, одновременно с дядей сидел в тбилисской тюрьме. Однажды, выполняя его поручение, Сергеем передали в камеру пилу с черной икрой и серебряной ложкой. К ней приложена была записка: «Извини, хлеба не нашли».

(В публикации использованы письма из архива Георгия Параджанова)

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ДОМА ПАРАДЖАНОВЫХ

Георгий Параджанов, автор сценария и режиссер картины «Я умер в детстве» окончил ВГИК, режиссерский факультет (мастерская Владимира Наумова — однокурсника дяди). Снимает кино, завоевал спецприз Венецианского фестиваля за фильм «Я — Чайка» о трагической судьбе актрисы Валентины Караваевой. Алексей Герман вручил ему награду за лучший киносценарий года. «Все ушли...» — реквием по ушедшему роду. Но там нет слов о дяде, о родителях, о родном Тбилиси. Георгий — последний из дома Параджановых. Он живет в Москве, вблизи Дмитровского шоссе, в однокомнатной квартире: старый сундук из тбилисского дома на Коте Месхи, дядин буфет, заваленный бумагами стол и маленький диван. Георгий не похож на дядю — ни внешне, ни в работах. Он — иной. В 91-м, спустя год после смерти дяди, неизвестному молодому режиссеру вручали в Риме приз за лучший короткометражный фильм. Мы познакомились чуть раньше в нашем с ним родном Тбилиси — с тех пор на «ты». ГАГИК КАРАПЕТЯН

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИНТЕРВЬЮ ЧИТАЙТЕ В ЗАВТРАШНЕМ НОМЕРЕ «ИЗВЕСТИЙ»

«Наутро раздался звонок и вежливый голос пригласил Сергея «в гости»: «Вот стенограмма вашего выступления. Надо бы вычеркнуть острые места, это пойдет наверх». — «Слава Богу, что не вниз. Дайте карандаш». И дядя подчеркнул сказанное накануне».

Перечеркнуто не правды

Параджанов Георгий

№ 88 (26645) ИЗВЕСТИЯ

Сегодня на Каннском кинофестивале премьеры документального фильма Георгия Параджанова «Я умер в детстве», который режиссер посвятил своему дяде Сергею Параджанову. Этот год объявлен ЮНЕСКО Годом Параджанова в связи с его 80-летием. С ГЕОРГИЕМ ПАРАДЖАНОВЫМ беседовал ГАГИК КАРАПЕТЯН.

Из письма Сергея Параджанова: «Гарик, дорогой, недавно приезжали Виктор и Амиран (соответственно Джорбенадзе и Думбадзе — друзья Мастера. — «Известия»). К сожалению, не дали свидания... В знак протеста объявил голодовку. Но она длилась всего 18 часов. Все идут на стройки народного хозяйства, а я сижу... Старею, слабею и нервы... Хочу кушать и спать. Это первые признаки глубокой старости. Но пока жив... Сейчас самое главное — твоя поездка в Москву и учеба. Как-то я восстал против твоего деда и бабушки и уехал в Москву. Тогда было другое время — после войны. Я — хорошенький курдзявенький мальчик — приехал в Москву, пел, танцевал, воровал, плакал и торговал. И меня приняли... Я считаю, что тебе надо ехать не в Москву, а в Ереван. По следующим причинам — ты племянник Параджанова... В Ереване тебе, может, помогут мои друзья, и ты поступишь на режиссерский факультет. В Москве паломничество кинопижонов, и ты можешь не пройти, так как у них блат и бездарность... Осталось не так много дней — 540. Может, успею к твоим экзаменам. Постарайся не сидеть в салоне тети Розы, а ходить по музеям».

Георгий Параджанов: Я родился в том же доме, где появились на свет Сергей, моя мама (Анна Параджанова, по мужу — Хачатурова. — «Известия»). Меня воспитывала бабушка, которая родила и вырастила дядю. Я воспитывал в себя то, что происходило вокруг, — судьбы людей, запахи земли и кавказских ветров. Сергей не разделял людей на высших и низших. Он страшно злился, если кто-то из знакомых подчеркивал свою избранность. Однажды в дом пришел оборванный мальчик-курд, украл у кого-то серебряный крест и притащил продавать дяде. А у нас гостил Тарковский. Сергей усадил мальчишку рядом. Андрей отворачивался, делал брезгливую мину. Дядя вдруг побагровел: «Не нравятся? Вставайте и уходите, я вас не держу...» Знаете, что он советовал Тарковскому? «Тебе нужно посидеть в тюрьме. Хотя бы год. Чтобы многое понять по-настоящему». А ка-

Проба к фильму
«Цвет граната».
С. Чиаурели, С. Параджанов
и мальчик, сыгравший
Саят-Нову в детстве

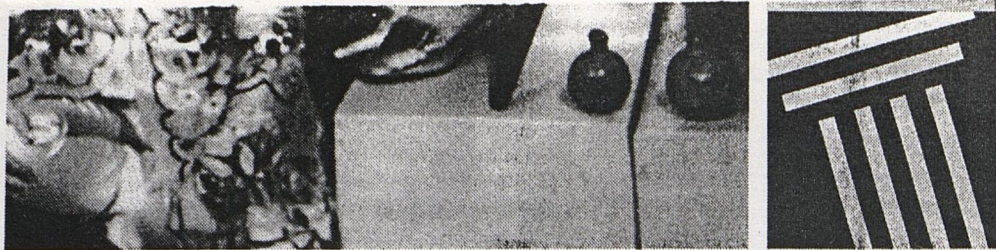
10

ПЯТНИЦА 21 МАЯ

КУЛЬТУРА

ИЗВЕСТИЯ

чик-курд, украл у кого-то серебряный крест и притащил продавать дяде. А у нас гостил Тарковский. Сергей усадил мальчишку рядом. Андрей отворачивался, делал брезгливую мину. Дядя вдруг побагровел: «Не нравятся? Вставайте и уходите, я вас не держу...» Знаете, что он советовал Тарковскому? «Тебе нужно посидеть в тюрьме. Хотя бы год. Чтобы многое понять по-настоящему». А ка-

ГЕОРГИЙ ПАРАДЖАНОВ, режиссер:

НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ, ЧТОБЫ СЕРГЕЙ ПЕРЕКРЕСТИЛСЯ. ОН БЕЗУМНО ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ

кой подарок мне достался из тбилисской тюрьмы? Дядя рассказывал: «Я все думал, что тебе привезти. И решил — спичечную коробку, полную вшей. Чтобы знал, что это такое. Посидишь там хотя бы час, все поймешь».

Из новелл Георгия Параджанова. Пригласив в гости, Лиля Юрьевна Брик предложила мне: «Пойдемте на кухню». На подоконнике росли фиалки. «Я их специально выращиваю... Когда посылаю письма Сергею Иосифовичу, на каждом, в уголке, когда фиалка падает, прикрепляю цветок... Но Вася (Василий Абгарович Катанян — последний муж Л. Брик. — «Известия») меня так ревнует к фиалкам, что открывает зимой форточку — чтобы они простудились и умерли!»

Я уехал в Тбилиси. Потом вернулся дядя из лагерей. Лиля Юрьевна ждала, что он придет к ней. А Сергей боялся, оттягивал встречу. И решил послать в Москву меня. Я прилетел с огромным пакетом кавказской зелени, в коробке — дагестанские серьги: «Вот, дядя прислал...» Она напряженно спрашивает: «А где письмо?!» Я растерялся: «Какое письмо?» — «От Сергея?!» — и я говорю шепотом: «А письма нет...» У Брик случилась трагедия.

— Те, кто слышал новеллы Параджанова из первых уст, до сих пор не забыли свое потрясение. Можешь вспомнить неизвестные публике?

Из новелл Сергея Параджанова. Начальник зоны просил дважды в неделю перекрашивать пол его кабинета ярко-красной эмалью. Оказывается, он любил, чтобы там лежал куст филодендрона: «Хочу, чтобы цветы отражались». Однажды кто-то из зков зашел к нему подписать какую-то бумагу и уходя оставил следы кирзовых сапог. Тому зэку, посаженному в барак усиленного режима, отказали в свидании с женой.

Из новелл Сергея Параджанова. Как Сергея хотели убить. Это было. Будучи дворником, он поливал шлангом выжженную солнцем землю, а зону, кроме забора, опутали оголенными проводами, через которые пропускали ток высокого напряжения. На вышке стоял охранник (их называют «попками»), плевавший на Сергея семечками. Дядя их подметал. Сверху приказали: «Там еще полей!» И показали — ближе к проводам. Тогда один из зков подбежал, толкнув Сергея головой в живот. «За что?» — «Я тебя спас. Они хотели образовать смертельную дугу для тебя».

КАК Я ПОСАДИЛ ДЯДЮ

Из письма Сергея Параджанова. «Пиши подробнее. Каждое письмо, которое я получаю, это кислородная подушка для меня. Береги жизнь, родителей и честь. Не делай глупостей. Все наказуемо...»

— С чего началось тбилисское «дело» Параджанова?

— В январе 82-го умер мой папа. Сережа привез его из Москвы в цинковом гробу, сделал красивые похороны. Он загримировал папу: «Мой зять похож на Фердинанда!» Все ужаснулись: у отца появились длиннющие усы, румяные щеки, в руках лежал гранат и горела свеча. Мама одела балахон (егошили для Сергея), под голову и на нее подложили черные подушки, перекинув все это черной вуалью.

Спустя два дня пришел кто-то из МВД. И попросил меня отъехать на полчаса: мол, нужно показать вещичку, чтобы я ее оценил. Сергей возмутился: «Почему он? Что он понимает?» Но незнакомец настоял. Когда мы спустились по лестнице, Сергей крикнул: «Только правду говори! Правду, правду и правду!» В МВД меня уже ждал пропуск. Следователь Саша Дзамашвили, блондин в очках, сообщил: они проверили сочинения на вступительных экзаменах. А я писал про Павку Корчагина (или «Мать»): у меня нашли 63 ошибки — «четверка» показала чересчур завышенной отметкой. Беседа длилась с утра и до шести вечера. Затем меня оставили одного часа на два. Дзамашвили якобы пошел в педагогический институт (или университет), где вновь проверили мою работу. Вернувшись, Дзамашвили начал так: «Мы все

знаем. За поступление в институт ваш дядя передал кольцо с бриллиантом педагогу и своему приятелю Юрию Зарецкому». Безусловно, я испугался — в 20 лет впервые в милиции. «Кольцо дарили?» — «Да. Но за меня или нет, не знаю. Давайте встретимся с Параджановым». Мы вернулись домой, но Сергея там не оказалось. Взяв с меня честное слово, сказали на прощание: «Разговор должен остаться в тайне. Мы увидимся с Сергеем и обо всем поговорим». Я не рассказал дяде, зачем вызывали в МВД. Ограничился фразой: «Тебя хотят видеть».

На следующий день он встретился с Дзамашвили. Сергей на суде сообщил: до ареста они просили 10 000 рублей, чтобы замять «дело». Дядя ответил: «У меня нет таких денег». И предложил только 500 рублей. Дзамашвили просил принести названную сумму. До того милиционер жаловался Сергею, что у него больные дети, неприятности с женой... Дядя положил в конверт 500 рублей и рождественскую открытку, чуть не ставшую основанием обвинения в порнографии. Мол, Параджанов хотел совратить детей следователя... Уходя, Сергей показал мне конверт: «Еще неизвестно, сколько таких понадобится, чтобы закрыть «дело». Встреча была назначена у «Сухого моста». Пересев в машину Дзамашвили, Сергей положил в «бардачок» деньги. Тут же ворвались люди в штатском, поймав его с поличным и предъявив обвинение — «дача взятки должностному лицу».

— Как ты обо всем узнал?

— Сергей не вернулся домой. Минут через сорок примчалась «бригада» (естественно, заранее спланированная операция). Они (семеро) описали все имущество, даже спросили, сколько человек пришли на поминки отца... Сергей называл свою комнату «Пещера Али Бабы». Они простукали все стены. Единственное, что оставалось как память об Украине: полочка с амурчиками. Туда Сергей, защищаясь от моли, насыпал нафталин. Им протер глаза один из следователей: показалось, золотая пыль, потом три дня на работу не выходил — слезы текли не переставая.

— Как долго дядя находился за решеткой до суда?

— Девять месяцев. Столько продолжалось следствие. Сергей оказался еще «спекулянт» — купил вазу за 4000 рублей, но продавец просил 2000. На что дядя заметил: «Я не могу дать столько, потому что ее цена — 4000». И он действительно столько заплатил, но вскоре продал за 5500. Потом ему «шили» дело за растение малолетних, якобы там замешан 14-летний мальчик (наверняка, перечитывали киевское «дело»). Меня спрашивали: не видел ли я парнишку? Но в доме никогда не появлялись подростки.

— В конце концов, Параджанову «пришили» тюремную переписку?

— Там сидела «подсадная утка». Тот договорился с Сергеем: мол, есть канал передачи, и Сергей застрочил письма... Когда я уезжал с тбилисским ТЮЗом на гастроли в Киев, дядя попросил меня: там, у одной женщины, осталась картина голландского художника. У нее, жены знаменитого кардиолога Терно, Сергей купил картину, но не смог рассчитаться. Поэтому писал из тюрьмы: «Передай ей, что меня беспокоит долг. Если бы не он, я бы вскрыл вены в подвалах МВД».

...До сих пор не знаю, Эдуард Шеварднадзе (тогда первый секретарь ЦК компартии Грузии. — «Известия») по своей инициативе или

по указанию Москвы освободил дядю. В суд за полчаса до начала первого заседания пришел следователь Сергея и сказал дяде: «Все будет сделано как надо — есть приказ об освобождении. Только не устраивай спектакль». Тем не менее все увидели Театр Параджанова. Суд, напомним, начался в Доме искусств и в День советского кино.

— Ты ежедневно приходил на заседания?

— Да, я ведь считался свидетелем, причем главным. Но в последние три дня я отсутствовал: уехал в Киев на гастроли с труппой ТЮЗа. Что еще запомнил? (Задумывается.) Как Сергей плакал. Ведь он — человек очень эмоциональный. В первый день прокурор спросил: «У вас есть адвокат?» Сергей растерялся: «Нет. Давайте начнем без него. Буду сам себя защищать». Я расплакался и вышел из зала. И у Сергея потекли слезы.

— Он сломался на суде?

— В январе 78-го, когда дядя вернулся из лагерей, я увидел его в кирзовых сапогах, черном бушлате и робе, уже без нашивки. Лысый, без бороды, но с усами. Зигзаг получился заметный. Первыми у нас дома его встретили Софико Чиаурели, Георгий Шенгелая, Манана — жена Тамаза Мелиава, покойного кинорежиссера, мои родители. После украинской отсидки, откуда Сергей привез свои новеллы и сценарии, он держался. А после тбилисского «дела» уже сломался.

— На суде, рассказывали очевидцы, Параджанов произносил плакатные речи...

— Может, он играл очередной спектакль? Ибо нередко всерьез восклицал: «Я — ленинец!»

Мол, он — единственный, кто может снять фильм о Ленине, великом мученике. Хотя на следующий день говорил, что смердящий труп отравляет СССР. Иногда Сергей держался на суде хорошо, временами нес чушь, срывался... Прокурор и судья, свидетели в зале понимали: перед ними не бандит, «урка», а большая личность, хотя и с тремя судимостями.

Из новелл Сергея Параджанова. Вор в законе Зура Картвелишвили, наш сосед, одновременно с дядей сидел в тбилисской тюрьме. Однажды, выполняя его поручение, Сергею передали в камеру пиялу с черной икрой и серебряной ложкой. К ней приложена была записка: «Извини, хлеба не нашли».

(В публикации использованы письма из архива Георгия Параджанова)

Последний из дома Параджановых

Георгий Параджанов, автор сценария и режиссер картины «Я умер в детстве» окончил ВГИК, режиссерский факультет (мастерская Владимира Наумова — однокурсника дяди). Снимает кино, завоевал спецприз Венецианского фестиваля за фильм «Я — Чайка» о трагической судьбе актрисы Валентины Караваевой. Алексей Герман вручил ему награду за лучший киносценарий года. «Все ушли...» — реквием по ушедшему роду. Но там нет слов о дяде, о родителях, о родном Тбилиси. Георгий — последний из дома Параджановых. Он живет в Москве, вблизи Дмитровского шоссе, в однокомнатной квартире: старый сундук из тбилисского дома на Коте Месхи, дядин буфет, заваленный бумагами стол и маленький диван. Георгий не похож на дядю — ни внешне, ни в работах. Он — иной. В 91-м, спустя год после смерти дяди, неизвестному молодому режиссеру вручали в Риме приз за лучший короткометражный фильм. Мы познакомились чуть раньше в нашем с ним родном Тбилиси — с тех пор на «ты».

ГАГИК КАРАПЕТЯН

ПРОДОЛЖЕНИЕ
ИНТЕРВЬЮ
ЧИТАЙТЕ В ЗАВТРАШНЕМ
НОМЕРЕ «ИЗВЕСТИЙ»

«Наутро раздался звонок и вежливый голос пригласил Сергея «в гости»: «Вот стенограмма вашего выступления. Надо бы вычеркнуть острые места, это пойдет наверх». — «Слава Богу, что не вниз. Дайте карандаш». И дядя подчеркнул сказанное накануне».